

Торжество и скорбь возвращения

#16-17 от 24.06.2010

Старшина Алексей Касаткин с августа 1942 года воевал на Юго-Западном и на 4-м Украинском фронтах, участвовал в освобождении Украины. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалью «За Победу над Германией».

После войны учился, стал кандидатом наук и многие годы проработал доцентом кафедры турбиностроения НТУ «ХПИ», воспитал не одно поколение инженеров. Статьи и очерки Алексея Алексеевича неоднократно печатались в нашей и других газетах.

1944 год, май, Севастополь

Есть в Севастополе кладбище, для памяти о котором всегда найдется место – «Кладбище коммунаров». И могила уже послевоенная, в которой покоится Геннадий Черкашин, тот, который написал книгу «Возвращение». Да, возвращение в Севастополь.

Мы в Севастополе!

Но ещё гудела канонада, и «Илы», и «Бостоны» бороздили небо. Я всё ещё был нестроевым после тяжелой контузии под Керчью и служил в Медсанбате. О том, что я севастопольский, все в батальоне знали и мне завидовали. Правда, более рассудительные хмыкали о моих родных: «А что с ними? Может, я навещу лишь могилы родных?»

Последнее письмо из дома я получил 3 июля 1942 года. И они писали, что в феврале погиб брат Вася. А как там сейчас?

Когда мы стояли в Байдарах, меня посылали с донесением в Симферополь, и я заходил к тетке, сестре моей матери. Она рассказывала, что погиб Вася, а в остальном всё было благополучно, и я не думал о плохом.

Командир батальона А.Приходько отпустил меня навестить родных. А в районе 35-й батареи шли ожесточённые бои: немцы пытались эвакуироваться. Медсанбат стоял в районе 10-й остановки трамвая (не пытайтесь найти сейчас это место, город рос, отстраивался и «расползся» по всему Гераклеяскому полуострову, сомкнулся с Балаклавой). Ну, а МСБ остановился там, где я пацаном пас свиней и знал любую впадинку, каждый бугорок. В 2007 году я посетил это место, но оно теперь едва узнаваемо. Итак, передо мной 5 км неизвестности. Дорога мне знакомая, но изуродованная войной. Вот Французское кладбище – я шел мимо него спустя 10 лет с того времени, когда я видел его в последний раз. Всё было побито, но были полуразрушенные стены, склепы, остатки часовни и домика сторожа. Горько было смотреть на то, что осталось от некогда зеленого уголка. Но мы наступали, и дух победы утешал.

Вот и Куликово поле, всё в воронках, ангар разбит, на взлетной полосе побитая техника. Сердце щемит: здесь мы, авиамоделисты Дома пионеров, часто бывали со своими моделями в нашем беззаботном детстве. Вот и наша улица – Ольгинская до революции и Коммунистическая сейчас. Почти всё побито, но многое кое-как отремонтировано. Вот и наш дом, крыша залатана, но дом цел. Захожу во двор, там стоит четырехлетняя племянница Нина, с удивлением глядя на меня. Из дома выходит отчим и смотрит, не

узнавая. «Ой, гвалт!», – кричит. (Он из под Жмеринки, в голод переехал в Севастополь на стройку – на Максимовой даче строил Дом отдыха. Мы тогда жили в совхозе, и моя мать вышла за него замуж.) Схватился и побежал искать маму. Ночью отсюда ушли немцы и побросали всё, что не могли унести. Среди брошенного были и продукты, и она побежала чем-нибудь разжиться. Я ночь не спал, прилег и сразу же заснул. Проснулся от крика и плача: прибежала мама. Кто пережил войну, тот может понять чувство матери, встретившей последнего своего сына, пришедшего домой при освобождении родного города и дома! Меня комбат отпустил на пару часов, и надо было идти в часть. Обидно, но ничего не поделаешь – война.

Недели две наша дивизия стояла в Севастополе. Медсанбат развернулся в разрушенной Севастопольской Совбольнице. Работы было много: нужно было подготовить к эвакуации уйму раненых, а это перевязки, сортировки, операции, похороны и эвакуация в фронтовые госпитали. Но я ежедневно забегал домой. Благо от моего дома до больницы 300 метров. Как-то мне велели что-то привезти в МСБ из автороты (она располагалась в хоздворе старого кладбища). Взял я повозку с двумя лошадьми и поехал из больницы в сторону Карантина. В мою сторону идет гражданская пара... Присмотрелся – Алка Горохова и Стас Волошин, мои довоенные приятели! Увидели меня и начали хохотать! Они, видимо, представляли меня с лейтенантскими погонами, а тут какой-то «зачуханный» солдат в «мундире» БУ! Мне повезло. Я заходил к ним на ул. Суворова (сейчас И.Голубца) и, увидев развалины их домов, потерял надежду их повидать. А тут такой случай! А они, когда их дома разбомбили, заняли брошенные дома рядом с больницей. Потому-то я их и увидел. Запомнились похороны. И обыденные, и с почестями. Тяжелораненые умирали. При поездке в район Камышовой погиб начальник санслужбы нашей дивизии – Иоган Борисович Гольдштейн. Его со всеми почестями хоронили на кладбище Коммунаров. Могила в нескольких шагах от входа на кладбище.

Вообще, Севастополь очень сильно пострадал во время войны. На центральном кольце восстанавливали только 4 здания. Остальные сгребли бульдозерами.

Для нас дорога в город и из города проходила через восточный участок кладбища, через овраг, мимо тюремных огородов, мимо тюрьмы, больницы и на Херсонесский мост. Когда мы вошли в город 9 мая 1944 года, эта часть кладбища была вся в воронках. На территории, где сейчас находится Инфекционная больница, был пустырь, и немцы поставили на нем батарею зенитных 85-мм орудий. Наши штурмовики перемешали всё с землей и заделали восточный угол кладбища. А вообще, по тем боям, что были при обороне и освобождении Севастополя, кладбище пострадало мало.

Поражала картина огневой подготовки штурма побережья бухты. Десятиметровые воронки авиабомб протянулись сплошной линией по всей прибрежной полосе и создали невозможность для немцев эвакуироваться морем. Они могли использовать плавсредства только на западном берегу Гераклеяского полуострова, где их атаквали наши корабли и авиация. И хотя кругом всё было побито, это был Севастополь – искалеченный, разрушенный, но родной.

Мы вернулись. Но почему, вспоминая те события, так щемит сердце? Почему, читая книгу

Г.Черкашина «Возвращение», подкатывается комок к горлу и влажнеют глаза? Не потому ли, что воскрешается память о самом волнующем периоде жизни – детстве и юношестве. О жизни Г.Черкашина. Но как похожей на твою, прожитую там же – в Севастополе! Эту книгу последние годы своей жизни не выпускала из своих рук Лида Белоусова, моя супруга, выросшая в Севастополе и оставившая её потомкам в память со сморщенной от слёз обложкой.

А. Касаткин

08. 12. 09 г.